

Глава 9. Тёмная сторона сети

[Артём. Четверг, 17 октября]

Даша написала в половине одиннадцатого ночи.

Одно сообщение, без предисловий: «Он слушал нас. Через микрофон телефона. Написал мне дословно то, о чем я говорила с мамой дома».

Я сидел за компьютером и смотрел на эти слова минуты три.

Потом написал: «Не удаляй сообщение. Не отвечай на него. Скриншот сделала?»

«Да».

«Хорошо. Завтра разберёмся».

Я закрыл Telegram и открыл новый документ. Писать туда ничего не стал — просто смотрел на пустой экран и думал.

Телефон как микрофон. Это не сложно технически — если на устройстве есть приложение с доступом к микрофону и оно работает в фоне, оно может записывать всё вокруг. Постоянно или по команде. Даша сама показала маме список опасных разрешений — значит, понимает, как это работает в теории. Но не успела проверить собственный телефон.

Вопрос в другом: какое приложение? Когда оно появилось? И — это важнее всего — кто дал команду записывать именно сейчас, именно этот разговор?

Я лёг спать в час ночи. Уснул не сразу.

Утром в школе я первым делом нашёл Дашу у шкафчиков.

— Покажи телефон, — сказал я вместо «привет».

Она протянула без вопросов — уже привыкла.

Я открыл настройки, раздел разрешений, отфильтровал по микрофону. Список приложений с доступом был длиннее, чем должен быть.

— Вот, — я показал ей экран. — Видишь это? Приложение «Погода+». Установлено десять дней назад. Зачем погодному приложению микрофон?

Даша смотрела на экран.

— Я его не устанавливала.

— Уверена?

— Артём, я знаю, что у меня стоит на телефоне.

— А программу от Влада помнишь? Которую скачала в начале октября.

Даша замолчала.

— Она тянула за собой установщик, — сказал я. — Ты видела одно приложение, а в фоне ставилось второе. Стандартная схема. «Погода+» — это и есть он.

— То есть я сама его установила.

— Ты установила то, что тебе подсунули. Разница есть.

Я поставил галочку мысленно. Почти две недели назад — это начало октября. Примерно тогда, когда началось всё остальное.

— Удали сейчас. И проверь остальные разрешения сама, вечером, внимательно. Каждое приложение.

— Уже поздно что-то удалять?

— Для того, что он уже слышал — да. Для того, что услышит завтра — нет.

Даша кивнула. Нажала удалить.

Я смотрел на это и думал, что где-то на другом конце кто-то только что потерял канал. Маленькая победа. Но то, что он успел услышать — не вернуть.

Даша не убрала телефон. Смотрела на экран.

— Артём. Он писал про вирус на домашнем компьютере. В самом первом сообщении. Это было правдой?

— Какой вирус?

— Бот. Написал, что я установила вирус на домашний компьютер. Я тогда решила, что он как-то залез и увидел.

Я несколько секунд смотрел на неё. Потом понял.

— Блефовал.

— Что?

— Стандартный приём. Всё та же социальная инженерия. — Я убрал телефон в карман. — Подумай вот о чём: если бы он реально поставил вирус на твой домашний компьютер — зачем об этом говорить? Сидел бы тихо и собирал всё что нужно. Раз написал — значит вируса нет. Есть только слова, которые должны тебя напугать. Написал «вирус» — ты испугалась — он получил реакцию. Это и есть цель.

Даша молчала. По лицу было видно — прокручивает то сообщение в памяти.

— Он просто угадал, что я испугаюсь, — сказала она медленно.

— Не угадал. Знал, что любой испугается. Это работает на всех. — Я помолчал. — Ты не была глупее других. Просто не знала, как это устроено.

Она кивнула. С задержкой — как будто слова доходили по одному.

Я не стал добавлять ничего лишнего. Иногда достаточно просто объяснить.

— Беляев.

Я обернулся.

Лёха Соколов из параллельного — мы иногда пересекались на олимпиадах, не больше.

— Ты же в играх шарить. Не знаешь такого — Shadowbyte? Кто-то в чате кинул ссылку на статистику. Говорят, топовый, но никто не знает кто.

Что-то холодное прошло по спине.

— Не знаю, — сказал я. Голос вышел ровным — не знаю как.

— Ладно. — Лёха пожал плечами и пошёл дальше.

Я не двигался. Смотрел в его спину и чувствовал как сердце бьётся чуть быстрее обычного.

Даша взяла меня за рукав — легко, просто чтобы я обернулся.

— Артём.

— Слышала? — сказал я тихо.

— Слышала. — Она знала про Shadowbyte с прошлой пятницы — я сам рассказал ей после первого сообщения от Призрака, не смог не рассказать.

Мы стояли в коридоре, вокруг шумела перемена, кто-то смеялся, кто-то бежал. Всё как обычно. И одновременно — совсем не как обычно.

— «Кто-то в чате», — сказал я.

— Да. — Даша отпустила рукав. Голос у неё был спокойный, но я видел — спокойствие это усилие, не состояние. — Не раскрыл кто ты. Просто показал, что обязательно сделает, если мы не остановимся. Он даже не знает, что только что сделал, — она кивнула вслед Лёхе.

— Рычаг остаётся рычагом, только пока не использован, — сказал я. Скорее себе, чем ей.

Даша кивнула. Больше мы к этому не возвращались — впереди был ещё целый день. Но осадок остался.

После второго урока я попросил у учителя информатики разрешения остаться на перемене — сказал, что доделываю проект. Это была полуправда: проект существовал, я его действительно делал. Просто сейчас делал кое-что ещё.

Бэждор я нашёл два дня назад случайно — проверял, не осталось ли в школьной сети следов BeautyPlus после того как Даша удалила приложение. Хотел убедиться, что соединение с внешним сервером разорвано. Я знал, что не имею права там смотреть. Но Даша не знала, что происходит с её данными, а я знал как проверить — и это казалось важнее правил. Я сказал себе: одним глазком, только убедиться, что всё чисто. Так всегда начинается. И пока смотрел — наткнулся на папку с нестандартными правами доступа. Папка называлась «system_temp_logs» — невинно, как и должно быть у замаскированного входа. Но права на неё были выданы пользователю, которого в школьной системе больше не существовало.

Сегодня я решил посмотреть глубже.

Экран светился зеленоватым — я специально сделал тёмную тему, чтобы не бросалось в глаза со стороны. Набрал команду, дождался ответа системы.

Папка была создана тринадцать месяцев назад. В сентябре прошлого года.

Я открыл свойства пользователя-владельца. Аккаунт числился удалённым, но ID сохранился в системных логах. Я скопировал его и вставил в поиск по журналу событий.

Результат пришёл через секунду.

Пользователь: **v.zaytsev** Последняя активность: сентябрь 2023 года Статус: удалён в связи с увольнением.

Я поправил очки и перечитал дважды.

Зайцев. Виктор Зайцев — системный администратор школы, которого уволили год назад. Я о нём слышал краем уха: кто-то из старшеклассников упоминал, что был такой, ушёл со скандалом. Больше деталей не знал.

Но вот его аккаунт. И бэкдор, созданный под этим аккаунтом. За месяц до увольнения.

Это могло означать две вещи. Либо Зайцев сам создал этот вход — намеренно, зная, что его скоро уволят, и оставив себе способ вернуться. Либо кто-то другой использовал его учётные данные — до или после увольнения — и создал вход от его имени.

Оба варианта были неприятными.

Я закрыл окна, очистил историю команд и сел ровно. Перемена заканчивалась.

Проблема была в том, что я не знал, что делать с тем, что нашёл.

Я был не первый раз в подобной ситуации. В прошлом году — история с принтером. Тогда я залез в школьную сеть с хорошими намерениями, починил то, что не работало, и получил вызов к директору. Предупреждение. «Даже с хорошими намерениями нельзя лезть в чужие системы».

С тех пор я старался не лезть.

Но сейчас я нашёл что-то серьёзное. Не сломанный принтер — скрытый вход, через который кто-то мог месяцами ходить в школьную сеть. Читать файлы. Смотреть данные. Устанавливать что угодно на школьные компьютеры.

Молчать об этом — значит оставить дверь открытой.

Рассказать — и снова окажусь под подозрением. «Откуда ты знаешь про бэкдор? Как нашёл? Что ты там делал?»

Я думал об этом весь третий урок, не слыша ни слова про химические реакции.

На большой перемене нашёл Дашу, Лизу и Стаса у нашего обычного места — подоконник в торце коридора второго этажа, откуда видно весь этаж и есть пути отхода в обе стороны. Стас занял его первым — он теперь инстинктивно выбирал места со спиной к стене. Не объяснял почему. Не нужно было.

— Мне нужно вам кое-что показать, — сказал я. — И потом нужно решить, что с этим делать.

Я рассказал про бэкдор — с объяснением, как в прошлый раз, чтобы все понимали. Про папку, про права доступа, про аккаунт Зайцева.

Даша слушала с телефоном в руках — наверное, записывала. Лиза смотрела в окно, но я знал, что слушает — она всегда так делает, когда думает. Стас первые две минуты листал что-то в телефоне, потом убрал его и стал слушать по-настоящему.

— Этот Зайцев — он мог быть Призраком? — спросил Стас.

— Не знаю. Он мог создать бэкдор сам. Или кто-то использовал его аккаунт. Это разные вещи.

— Но связь есть.

— Связь есть.

— Тогда надо рассказать майору, — сказала Даша.

— Я знаю. — Я помолчал. — Но тогда придётся объяснять, как я это нашёл. Что я делал в школьной сети.

Короткая пауза.

— Ты нарушил правила? — спросила Лиза. Тихо, без осуждения.

— Технически — да. Я не должен был там искать. У меня нет прав на доступ к системным логам.

— Но ты нашёл что-то важное.

— Это не отменяет первое.

Стас хмыкнул. Не насмешливо — скорее узнающе.

— Братан, ты сделал то, что мог. Теперь решаешь что делать дальше. Это другой вопрос.

Я посмотрел на него. Месяц назад Стас Петров был последним человеком, у которого я ожидал услышать что-то полезное.

— Майору можно сказать честно, — сказала Даша. — Что знал, что не имеешь права. Что всё равно посмотрел. И что сразу пришёл рассказать.

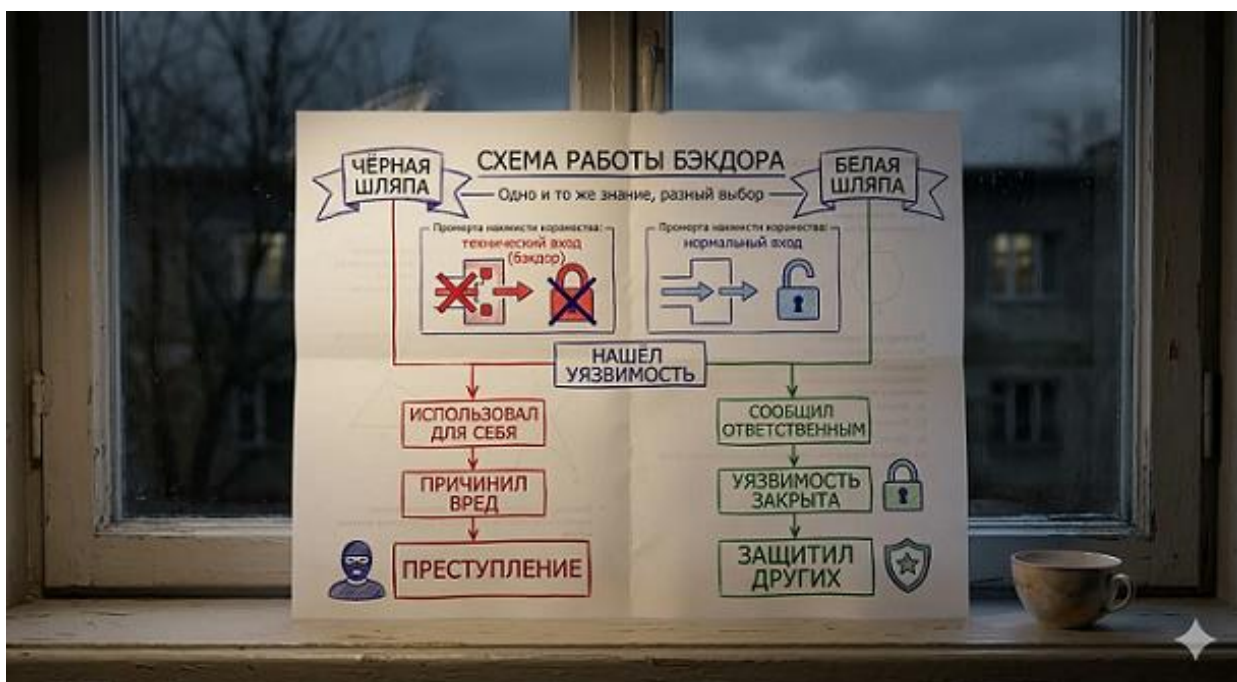
— Даша. — Я остановил её. — Я прекрасно знал, что не имею права. У меня уже было предупреждение. Майор об этом в курсе. Он не поверит в «нашёл случайно и не подумал».

— Именно поэтому скажи как есть, — сказала она тихо. — Не оправдывайся. Просто факты: знал, что нельзя. Всё равно посмотрел. Остановился. Пришёл рассказать.

— Это честно, — сказала Лиза. — Не оправдание. Просто факты.

Я думал об этом. Сказать правду полностью — и принять что будет. Это страшнее чем промолчать. Но молчать — значит оставить дверь открытой.

— Артём, — сказала Даша. — Есть разница между «нашёл уязвимость и использовал её» и «нашёл уязвимость и сообщил». Первое — это то, что делает Призрак. Второе — это то, что делают нормальные люди, которые умеют в технологии.

Майору Островскому я позвонил сам — взял номер у Даши. Трубку он поднял после второго гудка.

— Беляев. Слушаю.

— Я нашёл кое-что в школьной сети, — сказал я. — Бэкдор. Скрытый вход, созданный под аккаунтом бывшего сисадмина Зайцева. Я нашёл случайно, когда искал логи принтеров для учебного задания. Дальше не пошёл. Но посмотрел достаточно, чтобы понять, что это важно.

Пауза. Я слышал, как он что-то пишет.

— Когда это было создано?

— Тринадцать месяцев назад. Сентябрь прошлого года.

— За месяц до увольнения Зайцева.

— Да.

Ещё одна пауза.

— Артём, ты понимаешь, что технически нарушил правила доступа к сети?

— Понимаю.

— И всё равно позвонил.

— Да.

Я ждал. Майор молчал секунды три — наверное, думал.

— Хорошо. Это называется ответственным раскрытием уязвимости. В профессиональном мире за это платят деньги. В твоём случае — просто правильный поступок. — Пауза. — Пришли мне скриншоты того, что видел. Всё, что успел зафиксировать.

— Уже делаю.

— И Беляев. Больше туда не заходи. Даже случайно.

— Понял.

Я нажал отбой и выдохнул. Рядом стояла Даша — она слышала мою половину разговора.

— Нормально? — спросила она.

— Нормально, — сказал я. И это была правда.

После уроков я задержался в кабинете информатики — готовил скриншоты для майора, систематизировал то, что нашёл. Это заняло больше времени, чем думал: нужно было объяснить понятно, без технического жаргона, чтобы следователи могли использовать это как материал.

Я делал это и думал про Зайцева.

Виктор Зайцев, системный администратор. Уволен год назад со скандалом. Оставил бэкдор — намеренно или нет. Сейчас неизвестно где.

Это не доказательство вины. Бэкдор мог создать кто-то другой под его аккаунтом — если знал пароль. Или Зайцев сам создал, но не использует — просто оставил на всякий случай, не думая о последствиях.

Но связь была. И в расследовании, которое до сих пор упиралось в анонимного Призрака без лица и адреса, даже призрак связи — это уже что-то.

Телефон завибрировал. Сообщение от Даши:

«Майор нашёл Зайцева. Тот сам попросил встречи — сказал, что хочет поговорить с ребятами, из-за которых всё вскрылось. Завтра после уроков, в кабинете Марии Сергеевны — на нейтральной территории».

Я смотрел на экран.

Зайцев сам попросил. Это было неожиданно. Виновные люди обычно не просят встреч с теми, кто их раскрыл. Они прячутся, нанимают адвокатов, молчат по совету следователя.

Или он не виновен. Или виновен, но хочет объяснить. Или это что-то третье, чего я пока не понимаю.

Я закрыл ноутбук и убрал его в рюкзак. За окном уже темнело — октябрь, пять вечера, почти ночь.

Завтра мы услышим его версию. А там — посмотрим.
